

Евгений Замятин

Три дня

*Часть сборника
Мы (сборник)*

Евгений Замятин

Три дня

«Public Domain»

1913

Замятин Е. И.

Три дня / Е. И. Замятин — «Public Domain», 1913

«...Мы спускаемся спать в каюты. Ночь наивная, тихая, обыкновенная, еще не подозревающая, что в ее темную глубину уже брошена искра, что она вот-вот запылывает... »

© Замятин Е. И., 1913

© Public Domain, 1913

Содержание

Евгений Замятин	5
Конец ознакомительного фрагмента.	8

Евгений Замятин

Три дня

Солнце, песок, черномазые арабы, песок, верблюды, пальмы, песок, кактусы. Где-нибудь в другом месте не арабы, а турки, и опять – солнце, верблюды, песок. Повсюду одинаково звонко, ослепительно-ярко. И вечный шелковый шум волн при переезде из порта в порт, – этим шелком закутаны глаза, уши. Под конец совсем падаешь под тяжестью впечатлений, сквозь шелк все уже еле видно, еле слышно. Всякие разговоры начинаются с одного: «А вот, когда мы придем в Одессу...»

И наконец – пришли. Солнце садится, значит – опоздали: таможенный досмотр будет только завтра, а до тех пор на берег нельзя.

– Полюбуйтесь-ка вот, издали. Близок локоток, а не укусишь, – подхихикивает старший механик. Борода у него седая, длинная, как у Моисея-пророка; медленно ее поглаживает.

Шум улиц легко бежит к нам по воде. Золотеет над городом облако пыли. Вспыхнули красным верхушки наших мачт, стекла в иллюминаторах. Погасли. Темнеет.

Два белых военных судна – резкие, вырезанные в синем полотне сумерек.

– А эти военные – зачем здесь?

– Захотелось господам офицерам одесских девочек посмотреть, ну, вот и пришли... – Это опять механик: он все знает, все и всегда. Берет бинокль, смотрит: – Броненосец и миноноска, севастопольские, – говорит он.

Мы спускаемся спать в каюты. Ночь наивная, тихая, обыкновенная, еще не подозревающая, что в ее темную глубину уже брошена искра, что она вот-вот запылывает...

Утром – чуть свет поднялась беготня на палубе, гвалт: таможенные пришли. С какими-то крючьями, как черти в аду, копаются. Обыкновенный, пыльный, потный, плетется день. За обедом все торопятся: поскорей бы кончить – и в город. На берегу успел побывать только седобородый механик: везде у него приятельства и знакомства, он исхитрился выбраться с утра, еще до таможенных. Теперь сидел и рассказывал всякие новости, были и небылицы.

– Хе... Торчите вы тут и ничего не знаете! А там дела, там дела! Какие? А такие, что на броненосце на этом всех офицеров повыкидали за борт. Лейтенантик матроса у них ухлопал, ну и пошло писать... Думаете – вру? Да подите вы к черту!

За столом улыбались: знали, любит старик удивить. Ну, пускай, пускай потешится...

После обеда поймал меня Григорий Васильич, машинист, затащил к себе в каюту, прикрыл дверь. На правой руке не было у него двух пальцев, всегда прятал руку, а сейчас забыл все: говорил, размахивал рукою, мелькали перед глазами култышки.

– Слушайте: *он* на Новом молу лежит. Факт. И народу туда идет – тьма-тьмушая. Такое начинается, что я и не знаю... Слушайте, пойдёмте, а?

Григорий Васильич – человек положительный. Значит, и правда – что-нибудь... Весело-тревожно начинает биться сердце.

Мы быстро идем по берегу по-над морем. Солнце на небе ярко празднует, ветер стих, на море взглянуть нельзя – ослепнешь.

Переходим какие-то пути, спотыкаемся, свертываем по серой улице пакгаузов – и вдруг попадаем неожиданно в поток людей, спускающихся сверху из города в порт. Что-то похожее на крестный ход: так много, такие разные. Панамы, босоногие ребятишки, солдаты, перчатки, шелковые зонтики, опорки, воротнички...

Идем. Чей-то голос сзади – неуклюжий и медлительный:

– Воны, чорноморьци, давишь говорыли, что к нам прыйдутъ. Вот и прыйшли.

Я обернулся: рябой солдатик поучал своего товарища.

– А офицеров воны и не побили вовсе, тильки заперли. Я ж знаю. Я...

И нету: пропал в толпе. Мимо – уж новые: студент и девица. Девица прижималась к студенту и, должно быть, вздрагивала.

– «Потемкин», – говорил студент, – самый новый броненосец. Понимаешь, если он на самом деле – так ведь это...

Наш «крестный ход» свернул на Новый мол. Здесь было ближе к какому-то неведомому центру и оттого тише, серьезней.

Около огромной горы деревянных ящиков стояли неподвижные фигуры, как будто сторожили.

– Вы что тут? – спросил Григорий Васильич.

– А вот – около водки. С монополькой ведь ящики-то: не дай Бог – пронюхают! Мы от комитета.

На фонарь взгромоздился юноша в мягкой рубашке и черном пиджаке, глаза у него девицьи, синие. Поднял над толпой руку:

– Товарищи! Этот день...

Его слушали. Голова кружилась от солнца, от людей, понять что-нибудь мешала неотвязная мысль, такая неподходящая: «Но ведь в черном пиджаке ему, должно быть, отчаянно жарко...»

В толпе прорубилась какая-то просека, улочка. По ней двигались вперед, к непонятной цели, проходили обратно. И во всем этом был свой странный порядок.

Пошли по этой живой улочке и мы с Григорием Васильичем. Вместе с медленными рядами двигались к голове мола. Вдруг впереди нас сбросили шапки. Стало совсем тихо и жутко.

– Ох, да вот он, вот он, батюшка... Красавец-то какой лежит, как живенький! – запричитала рядом баба в платке.

На самом конце мола на постланных флагах лежит матрос. Желтое, мертвое, спокойное лицо. Всегда страшные днем огоньки восковых свечей. Около – говорят только шепотом. Два белых матроса, его товарищи, в изголовье. Сбоку, совсем близко, как сидела бы мать, сидит босяк – опухшее, налитое лицо, лоб, перевязанный тряпкой. Босяк качает головой, морщится – может быть, плачет.

Кто он, зачем?

Бросают деньги на тарелку возле покойника, отходят в сторону. Читаем издали приколотый к груди лежащего лист бумаги – под солнцем очень белый. Видны только последние слова: «...за мою смерть».

Вдруг благоговейное молчание разрывается резким окриком:

– Шапку долой, эй, ты!

На господина в котелке кричит один из матросов. И все, кто стоят поближе и слышат, тоже:

– Эй, долой! Оглох, что ли?

Господин в котелке, криво улыбаясь, обнажает голову. Опять тишина. Только баба в платке всхлипывает:

– Красавец-то какой, батюшки, молодец-то... О, господи!

Поливает сверху солнце. Желтые свечи, острый и желтый нос мертвеца, молитвенно, жутко... И должно быть – такая же новая, необыкновенная стала сейчас вся Одесса.

По человеческой просеке, мимо солдат, шелковых зонтиков, мальчишек – мы идем в город. Дерibasовская, Ришельевская... Нет, оказывается – здесь все обычно: нарядные женщины, газетчики, продавщицы цветов, очень тихо и жарко.

– Пить-то, пить-то как хочется. А ведь только вот сейчас и почувал, – сказал Григорий Васильич.

Сели за столик, пили, спешили кончить.

– Слушайте: идем, а?

– Идем.

Не нужно было говорить – куда: куда же сейчас можно идти, как не туда, опять вниз, в порт?

Еще издали мы увидели: шло волнами темное море голов – и гудело:

– А-а-э-э-э...

Бросали вверх шапки, махали руками. Уж можно теперь разобрать – кричали тысячи голосов:

– Е-э-едут, едут, е-э-э...

Мы ли протолкались, или нас вынесло – но только оказались мы скоро у самой воды, на краю набережной. Теперь ясно было видно: от броненосца, резко белого, шел к берегу, к нам, как чайка – легкий и острый, – катер. Вот уж можно разглядеть и белые голландки матросов, и лица. Пристают.

– Ур-рр-а-а-а! – заревело сзади.

Нахлынули, бросились вперед, как бешеные лезли на плечи, куда-то вверх – надрывались: ура-а-а!

Я оглянулся. Высокие железные столбы фонарей были увешаны людьми, – как они взобрались в секунду? – люди махали белым, в воздухе – туча фуражек, шляп. Матросы на потемкинском катере раскрывали рты – тоже, должно быть, кричали, их не было слышно.

Да, матросы, *те самые*, так близко, внизу. И почему-то отпечатывается навсегда физиономия одного – такая лукавая хохлацкая рожа, со спущенными вниз светлыми льняными усами.

Хохол на катере влез на мостик и замахал рукою: чтобы затихли.

И так же, как он, замахали рукою десятки людей на набережной, вскакивали на тумбы, кричали: «Ти-и-и-ше, тише!» Удивительно: оно сейчас же утихло – это раскачавшееся, напряженное людское море. Утихло, вставали на цыпочки – услышать хоть одно слово. Все знали: то, что теперь услышат, – это будет решительное, страшное.

Матрос на потемкинском катере почесался и сказал:

– Вот бы... это самое... Провьянт нам нужен. Провьянту принесли бы – это вот да...

Так это было неожиданно-житейски, так просто. Засмеялись облегченно:

– Провьянту им неси! Харчей, говорят...

Сразу матросы – это мы все. Что ж, такие же люди: харчи вот нужны им. Правильно.

Катер слегка покачивало. Матросы придерживались багром за сваю. Из толпы очень быстро, как будто всю провизию носили с собой в карманах, начали подтаскивать к берегу кулечки картофеля, булки, колбасу, какие-то неизвестного содержания свертки. Бросали вниз, матросы ловко ловили.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.